25/07/2019

Патриарший Экзарх всея Беларуси: «Нас всех объединяет Евангелие»

Патриарший Экзарх дал интервью Сергею Мудрову, журналисту, преподавателю, постоянному автору портала Православие.ru, в котором рассказал о церковном образовании, об отношениях с государством, о языке богослужения и о своем многолетнем служении в разных странах.

Митрополит Павел принимал меня в своём кабинете в здании Экзархата, что на улице Освобождения, в центральной части белорусской столицы. Мне не раз приходилось бывать в этом кабинете – ещё в то время, когда Белорусским Экзархатом управлял митрополит Филарет (Вахромеев), многие годы поддерживавший мою учёбу и исследования за рубежом, итогом которых стали не только научные работы, но и две книги о Православии в Европе. С декабря 2013 года владыка Филарет пребывает на покое (и проживает в здании Минского епархиального управления), а нелёгкое бремя управления Белорусской Православной Церковью несёт митрополит Павел – иерарх, много лет посвятивший церковному служению в Израиле, Соединённых Штатах Америки, Канаде, Мексике, странах Евросоюза – Австрии и Венгрии, а также в российской глубинке – в Псково-Печерском монастыре и в Рязани.

Моя просьба о встрече с Предстоятелем БПЦ была связана с моим нынешним научным проектом «Религия и национальное строительство в Беларуси». Поговорить хотелось о многом – о языковых проблемах в Церкви, взаимоотношениях с государством и другими конфессиями, украинских нестроениях, материальном положении духовенства, а также участии священнослужителей в научных исследованиях. К сожалению, из-за ограниченности во времени мне удалось задать не все вопросы, которые я планировал и предполагал. Время, как это нередко случается, оказалось и на этот раз не столько союзником, сколько оппонентом.

В первую очередь я поинтересовался у владыки Павла, почему он считает своё служение в Беларуси наиболее трудным и сложным. Ведь об этой сложности Патриарший Экзарх неоднократно упоминал ранее, в самые первые годы своего служения на белорусской земле.

– Вы знаете, я в таких случаях всегда говорю: маленькая епархия – меньше вопросов и проблем, большая епархия – больше вопросов и проблем, – ответил Митрополит Павел. – С другой стороны, вопросы в епархии, в приходе, в монастыре – везде одни и те же. Просто в Беларуси объём работы, то есть занятости, гораздо больше, чем в какой-либо другой епархии, где мне довелось служить. В этом, наверное, и есть основная сложность. Ещё нужно добавить несоизмеримо возросшую ответственность за принятие решений.

– Владыка, когда вы приехали в Беларусь более пяти лет назад, то говорили, что попытаетесь выучить белорусский язык. Удалось ли вам в этом плане как-то преуспеть? Или всё же ваша занятость не позволила это сделать?

– С одной стороны, занят. С другой стороны, в Беларуси два государственных языка. И они одинаково используются, как белорусский, так и русский. Поэтому острой необходимости в изучении белорусского я не вижу. Все друг друга понимают, на русском и на белорусском языках. Здесь всё-таки ситуация отличается от США, где я служил ранее. В Соединённых Штатах я иногда попадал в такие приходы, где никто не говорит по-русски. Поэтому я был вынужден общаться на английском языке. И служить приходилось на английском, и проповедовать на английском. Такие складывались обстоятельства. Когда возникает жизненная необходимость, то приходится изучать язык. Но в Беларуси, если кто-то говорит на белорусском, мне всё понятно, может быть, за исключением некоторых слов. И вот по этой причине я всё время откладываю изучение языка на потом, когда будет у меня на это время, а времени всё нет и нет. Но саму идею – изучить язык – я не оставляю.

– В Белорусской Православной Церкви есть несколько приходов, где литургия служится на белорусском языке. Насколько мне известно, вы относитесь к этому положительно (поправьте меня, если я здесь ошибаюсь). Но, как вы справедливо отметили, в нашей стране два государственных языка – русский и белорусский. Почему же в этом случае нет какого-то движения, чтобы сделать службы на русском языке? Например, в нескольких храмах, в порядке эксперимента, перевести литургию на русский, подобно тому как она переведена на белорусский.

– Предлагаю обратиться к истории нашего народа и вообще к истории человечества. Вспомним Вавилонскую башню. Почему Господь допустил рассеяние людей и образование многих языков? Для того, чтобы люди не возгордились. Сегодня язык является средством коммуникации, средством общения между людьми. Когда существует эта коммуникация, тогда происходит нормальное общение людей. Поэтому говорить о языке можно и с положительной, и с отрицательной точки зрения. Если мы хотим, чтобы люди понимали друг друга, находили средство коммуникации, общения, должен быть такой язык, который будет понятен для всех. Искусственно создавать какие-то барьеры, языковые преграды или препятствия может только тот, кто не желает людям блага. К сожалению, в современном мире язык часто используется в качестве средства, с помощью которого разжигается вражда и ненависть между людьми.

– Вы считаете, что язык используется как некое средство противостояния?

– Не я так считаю, обратите внимание на мировые проблемы – и вы поймёте, что это современная реальность. Поэтому мы проповедуем Слово Божие на том языке, который понятен людям. В день Пятидесятницы Дух Святой дал возможность апостолам так проповедовать, что каждый слушающий понимал апостолов на своём языке и наречии. Посмотрите также на служение христианских миссионеров в последующие времена. Проповедь Евангелия велась на языках, понятных народу. Миссионеры, приходя в ту или иную страну, в первую очередь изучали языки и наречия, составляли алфавит, переводили Священное Писание и богослужебные тексты на местный язык, а потом обращались к людям с проповедью Евангелия. И сегодня мы проповедуем на тех языках, которые люди хорошо понимают.

Что касается Беларуси, то здесь нам следует учесть одну очень важную деталь. Православию в Белой Руси уже более тысячи лет. Православные традиции здесь укоренились, я бы сказал, на генном уровне. Люди много столетий молились и молятся на церковнославянском языке. Всё всех вполне устраивает, всё совершается в мирном и молитвенном русле. Но вот после распада советской системы появилось движение за самостийность во всём – даже в церковной и молитвенной жизни. Хотя я думаю, что те, кто жил и живёт религиозной жизнью, не нуждаются в каких-то реформах. Их в Церкви всё устраивает. А те, кто ищет только реформы ради реформ, пытаются проникнуть даже во внутреннюю религиозную жизнь, но это, как правило, чревато страшными последствиями. Последствия лежат на поверхности – это разделение церковное и разделение духовное, которое ведёт к угасанию веры и молитвы, и в конечном итоге – к выхолащиванию подлинной религиозной жизни.

Мы сегодня часто слышим безапелляционные призывы – осуществить перевод богослужения на местный язык, а о последствиях не думаем. Вы когда-нибудь задумывались, к чему может привести скоропалительный перевод на все местные языки, скажем, в таких областях, как медицина или химия? Сразу скажу – в мировой медицине и химии наступит коллапс. Мне думается, что ни у кого сегодня даже язык не повернётся, чтобы призвать наше общество осуществить такую идею. Скорее, нас призовут выучить медицинские термины и химические формулы, а потом допустят приступать к изучению медицины или химии. Потому что каждый здравомыслящий человек понимает, к чему может привести такая языковая реформа.

Если в научные круги таких псевдореформаторов и близко не пустят, то в церковную сферу они входят беспрепятственно и здесь предлагают свои «услуги». В Церкви хотят осуществить реформы те, кто сам не живёт церковной и религиозной жизнью, но пытается на этом поприще заработать политические очки. Именно поэтому мы предупреждаем об опасности форсирования языковой реформы в богослужебной жизни нашей Церкви. Сегодня нет острой необходимости изменять богослужебный язык. Но если люди пожелают молиться и служить на своём родном языке, Церковь никогда этому не препятствовала. Язык должен быть доступен и понятен для всех людей, но осуществлять переход на любой другой язык следует с особой осторожностью, основывая это на пастырском душепопечении и заботе о спасении душ человеческих.

– Владыка, я бы хотел коснуться вопроса, который связан с взаимоотношениями между Церковью и белорусским государством. Понятно, что главный документ в этих взаимоотношениях – это «Соглашение о сотрудничестве», которое было подписано в июне 2003 года между БПЦ и Республикой Беларусь. К этому следует добавить ряд рамочных соглашений, подписанных Церковью с отраслевыми министерствами. Вы неоднократно отмечали многочисленные позитивные аспекты, связанные с реализацией этих соглашений. Однако я бы хотел отметить и несколько непростых моментов. Например, до настоящего времени, невзирая на многочисленные обращения, не признаются учёные степени кандидата и магистра богословия, присваиваемые Минской духовной академией. Более того, не признаются дипломы о высшем образовании, выдаваемые белорусскими духовными школами, за исключением Института теологии при Белгосуниверситете. Скажите, пожалуйста, реально ли ожидать каких-то изменений в этом плане? Может быть, государство пойдёт навстречу Церкви? Или вы считаете, что в ближайшее время ничего принципиально не поменяется?

– Ситуация с непризнанием дипломов связана с тем, что наши семинарии (Минская и Витебская) и академия (Минская) не аккредитованы, поэтому они не выдают дипломов государственного образца. Но я здесь вижу и плюсы, и минусы.

Плюсы – в том, что мы сами формируем свою учебную программу таким образом, как она выстраивалась в течение предыдущих десятилетий, даже столетий. Как Церковь считает нужным, так она и выстраивает учебную программу. Если наши школы будут аккредитованы, то усилится влияние светской школы на духовные учебные заведения. Полагаю, от этого будет больше минусов, чем плюсов. В Беларуси в целом сложилось очень хорошее положение. Люди, желающие получить диплом государственного образца, могут идти в Институт теологии при БГУ или в какой-нибудь другой университет или институт. Но если человек желает послужить Церкви, без оглядки направо или налево, желает всего себя посвятить служению Богу и Церкви, то можно служить и без диплома государственного образца. Главное, чтобы у человека было искреннее желание служить Богу, Церкви и людям. Сегодняшнее положение в Беларуси, на мой взгляд, самое благоприятное. И что-то менять ещё, добиваться… Да, мы пытались получить аккредитацию духовных школ и признание наших дипломов, но поняли, что в Беларуси этого делать не следует. У нас сегодня больше свободы в составлении

учебных планов и преподавании богословских дисциплин студентам.

Чтобы вы меня правильно поняли, приведу лишь один пример. В случае получения аккредитации Министерство образования будет строго контролировать наш учебный процесс. А это значит, что наша духовная школа должна будет больше ориентироваться на светские учебные заведения. В учебную программу будут вводиться светские предметы, а богословские будут плавно выводиться. Видя всю опасность для духовной школы от возможной аккредитации, мы совершенно ответственно говорим, что сегодня нас вполне устраивает сложившееся положение в Беларуси.

– Есть ещё и другие моменты, на которые я бы хотел обратить внимание. Например, в Беларуси по-прежнему сохраняется достаточно либеральное законодательство в области морали и нравственности. Не удалось добиться принятия более строгих законов по отношению к абортам; более того, если женщина беременеет через несколько месяцев после родов, то ей, как правило, предлагают сделать аборт (порой запугивая болезнями, осложнениями). В Беларуси легальны различные виды игровой деятельности, например, казино. Отсутствуют нормативно-правовые акты, аналогичные российскому закону о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних. Скажите, пожалуйста, не считаете ли вы необходимым, возможным и целесообразным предпринять какие-то меры для того, чтобы попытаться изменить белорусское законодательство, сделав его более христианско-ориентированным?

– Должен вам сказать, что мы, представители Церкви, публично высказываем свою позицию, своё официальное отношение к этим проблемам, но мы не представлены в депутатском корпусе и правительстве. Поэтому мы не можем влиять на принимаемые законы и правительственные постановления. Всё, что мы можем сделать, – это публично озвучить позицию Церкви и призвать законодателей к совести и ответственности пред Богом за принимаемые решения, но мы не имеем права вмешиваться в дела государства. Каждый будет отвечать перед Богом за свои деяния. Мы – за свои, а представители власти – за свои деяния ответят перед Богом.

Безусловно, мы призываем всех людей освободиться от страстей, от пороков, потому что понимаем, что алкоголизм, наркомания, игромания – это сильные зависимости, которые основаны на страстях, слабостях и немощах человеческой испорченной природы. Использовать низменные страсти человеческой природы для достижения корыстных целей – это тяжкий грех.

Что касается абортов, то хочу напомнить, что Церковь многократно заявляла о том, что аборт – это убийство. Причём, я добавляю, убийство с отягчающими обстоятельствами. Если взрослый человек, видя опасность, может защищать свою жизнь, то младенец в утробе матери совершенно беззащитен. Мы призываем всех, кто занимается абортированием, прекратить совершать эти страшные убийства (если речь не идёт о каком-то действительно исключительном медицинском случае). Тем более следует исключить аборты из системы социального страхования, так как получается, что за счёт налогоплательщиков происходят убийства в утробе матери. Люди возмущаются продолжающейся чередой убийств, потому что они ложатся моральной ответственностью на всех налогоплательщиков. Ведь сколько уже у нас нерождённых младенцев (а если бы они родились, то и демографическая ситуация могла бы выправиться)? Надеемся, что придёт время, когда эти убийства прекратятся.

Если говорить о запретах, то можно, конечно, всё запретить, но вопрос в том, будет ли это работать? Полагаю, надо не просто запрещать, «не пущать», но следует на уровне государства принять комплекс мер, которые могли бы стимулировать женщин не совершать это преступление. Тем более что не только женщина, но и мужчина повинны в этом преступлении, в убийстве. Не надо всю ответственность перекладывать исключительно на женщин. И мужчины, и женщины, и правительство, и Церковь – мы все будем отвечать перед Богом за свои деяния. Если сегодня продолжают совершаться аборты, значит, мы не создали таких условий, при которых женщина могла бы отказаться от аборта. В конечном итоге ответственность за совершение абортов ложится на всех нас.

– Вы отметили, что в депутатском корпусе нет представителей Церкви. Понятно, почему их нет: священнослужителям запрещено баллотироваться в депутаты всех уровней. Может быть, имеет смысл это положение пересмотреть?

– А зачем? Мы не профессионалы. Мы не политики, не юристы, не экономисты. Мы должны заниматься своим делом, а политики – своим. Тогда в государстве будет порядок, если каждый будет заниматься своим делом и на своём

месте, но ответственно, добросовестно и честно.

– С другой стороны, если снять запрет на участие в выборах для духовенства, то представители Церкви смогут как-то возвышать свой голос в органах власти.

– У нас есть такая возможность. Мы возвышаем свой голос в Церкви, в обществе, но мы не имеем права решающего голоса. Нам это и не надо. Понимаете, если мы будем принимать участие в работе парламента, как депутаты, тогда любой парламентарий и член правительства скажет: извините, вы в Правительстве и Парламенте принимаете участие, давайте и мы будем принимать участие в работе Церкви и Синода. И что тогда будет? Депутаты будут принимать решения в Синоде, а мы в парламенте. Вот тогда-то и произойдёт самое страшное – будет полный хаос. Думаю, что каждый должен нести своё служение на том месте, где он призван. Сейчас существует замечательное разграничение полномочий: мы, представители Церкви, не вмешиваемся в дела государства, а государство не вмешивается в дела церковные. Дай Бог, чтобы так было всегда.

– Владыка, в одном из ваших интервью я обратил внимание на высказанную вами мысль о единстве славянских народов. Вы отмечали, что зачастую невозможно определить – кто белорус, русский, украинец, так как мы все славяне, и что славянин остаётся славянином и в Беларуси, и на Украине, и в России. Корректно ли предполагать, что вы придерживаетесь мнения, что мы все произошли от единого древнерусского народа?

– Если копнуть глубже, то все мы произошли от Адама и Евы. Самое главное и самое важное, что мы должны всегда понимать и помнить, что все мы – дети Божии. Независимо от того, какого цвета у нас кожа и где мы живём. Я, когда смотрю по телевидению новости и вижу происходящие трагедии, то, независимо от национальностей и цвета кожи людей, переживаю за них точно так же, как и за своих – белорусов, россиян и украинцев. Для меня, как для священника, любая трагедия человеческая – это трагедия, кто бы в неё ни был вовлечён – африканец, американец, европеец, белорус, россиянин или украинец. Если я слышу, что кто-то где-то погиб, я просто обращаюсь к Богу и прошу: «Господи, упокой всех погибших в селении праведных, а пострадавших и близких укрепи и помоги им». Для меня все люди одинаковы, все мы – Божие творение.

Что касается славян, то у нас действительно была и есть славянская народность. Сегодня мы, к сожалению, разделены политическими границами.

Кто-то проживает в России, кто-то – в Беларуси или на Украине. Но славян везде много, по всему миру. Безусловно, славян объединяет общий язык, культура, религия и, конечно, Православная Церковь. Нас всех объединяет Евангелие. Хотя Евангелие объединяет и африканцев, и европейцев, и американцев. У нас у всех одно Евангелие. Поэтому я не делю людей по национальному признаку или цвету кожи. Когда-то я нёс послушание в Иерусалиме – там у меня была одна паства. Нёс послушание в Соединённых Штатах, Канаде, Мексике, – там была другая паства, но тоже моя. Я за них и сегодня переживаю. Было послушание в Европе – там тоже была моя паства. Для меня нет разницы, кто человек по национальности, так как любой человек – образ и творение Божие. И я всех призываю относиться друг ко другу как к образу Божию, независимо от того, какой у кого цвет кожи.

– В контексте вашего ответа хотелось бы узнать: предполагает ли ваше мнение о единстве славянских народов, что вы видите целесообразность (может быть, и духовную) в том, чтобы нашим народам как-то более сближаться, а не разделяться?

– Любое разделение не приносит хороших результатов. Да, нас сегодня разделяют границы политические, географические, но для христиан не существует никаких границ, мы в молитве общаемся друг с другом. Современные средства коммуникации – телефон, Интернет – тоже дают возможность общаться. Поэтому я всегда призываю: делайте всё возможное, чтобы нас объединяла и культура, и язык, и литература, и Церковь, и религия, и Евангелие, и молитва. Надо предпринимать всё возможное, чтобы вышеперечисленные средства нас всех сплачивали и объединяли.

В этом вопросе есть одна маленькая тонкость. Христиане призывают друг друга любить, а светские люди призывают друг с другом дружить. Казалось бы, хорошо и то, и другое, но на деле даже в этих двух словах – огромная разница. Любовь подразумевает жертвенность, отдачу себя ради ближнего, а дружба – это взаимовыгодные отношения, вроде такого: «Вы мне телевизор, я вам телефон». Если я вам что-то сделал по дружбе, то вы обязательно должны откликнуться и ответить адекватно. Если вы не откликнулись, значит, со мной не дружите. Любовь такого отношения не воспринимает, так как действует без оглядки и надежды на взаимность. Любовь призывает всего себя отдать другому человеку. Господь за это воздаёт каждому: и тому, кто отдаёт, и тому, кто принимает. Поэтому я призываю всех поступать по-евангельски, любить друг друга, подобно тому, как Господь возлюбил нас.

– Владыка, я хотел бы сейчас коснуться украинской религиозной проблематики. Конечно, ваше мнение на сей счёт известно; тем более что есть соответствующие решения Синода Русской Православной

Церкви (в том числе о неприемлемости вмешательства Константинополя в украинские церковные дела). Однако в любом случае возникает вопрос иного плана: как и каким образом нам тогда решать проблему украинского раскола (которая объективно существует)?

– Путь решения возникшей проблемы и устранения раскола известен всем. Необходимо осознать наличие раскола и его пагубность, принести покаяние и возвратиться в лоно Церкви Христовой. Всё очень просто. Но просто только в теории, а на практике всё гораздо сложнее. Беда заключается в том, что раскольники не видят себя грешниками и погибающими. Они видят ошибки других людей, а себя видят праведниками и даже мнят себя спасителями Церкви.

Почему Христос-Спаситель сказал: «Я пришёл призвать (спасти) не праведников, но грешников?» Спасение подразумевает то, что человек осознаёт, что он погибает. Однако раскольники не понимают, что они погибают, так как считают, что поступают исключительно по правде и во славу Церкви и Отечества. Тот же самый Денисенко считает, что делает правое дело. Хотя на самом деле и сам гибнет, и губит тех людей, которые за ним следуют. Поэтому путь устранения раскола один – это путь покаяния, исправления и возвращения в лоно Церкви Христовой.

То, что сегодня происходит на Украине, – это беда, по-другому и не скажешь. Но, с другой стороны, радует то, что украинцы поняли, что Церковь остаётся незыблемой. И тот, кто искренне следует за Богом, за Христом, тот действительно идёт по спасительному пути, и Господь помогает им.

– Синод РПЦ отмечал, что в отношении Украинской Православной Церкви приняты дискриминационные законы…

– Сегодня Украинская Церковь проходит очень серьёзные испытания. Как сказал однажды Блаженнейший Митрополит Онуфрий: мы, может быть, ещё не до конца поняли, зачем Господь нас таким образом испытывает, но это однозначно перст Божий. Это испытание веры. И мы искренне радуемся, что украинский епископат, за исключением двух человек, оказался верным и преданным Богу и Православной Церкви. Обратите внимание: из 90 архиереев только два оказались предателями. И в каком положении они сегодня? От своих отбились – и там они не нужны, потому что они предатели, а к таким перебежчикам даже раскольники относятся как к предателям. Никому они не нужны. Разве это не наглядный пример для всех остальных? Конечно, те, кто сплотился на корабле церковном, с Божией помощью

пережили страшные испытания. Кто-то из них даже кровь пролил ради Бога, кого-то покалечили, избили, кого-то до сих пор продолжают преследовать. Но духом-то епископы, священнослужители и благочестивые верующие люди остаются сильными и непоколебимыми.

Сегодня Украинская Православная Церковь окрепла и сплотилась вокруг своего Первосвятителя – Блаженнейшего Митрополита Онуфрия. Церковь сильна тогда, когда она гонима, потому что в этих гонениях вместе с ней пребывает её основатель Иисус Христос. Более того, молитва сплотила всех православных христиан, проживающих как на Украине, так и в Беларуси, и в России, и в других странах ближнего и дальнего зарубежья. Мы сегодня на каждой службе молимся о единстве православного мира и Православной Церкви. С нами Бог и Спаситель Христос!

– То есть сейчас, на ваш взгляд, можно говорить о том, что проблемы на Украине сплотили Церковь?

– Безусловно. Церковь ведь сильна тогда, когда она гонима. А когда мы живём в комфортных условиях, тогда мы быстро расслабляемся и охладеваем, что может пагубно сказаться на нашей христианской жизни.

Я иногда беседую с детишками и говорю им: дети, в народе говорят, что в последнее время в лесу стали зайцы часто умирать. Они спрашивают: а почему? Я им отвечаю: потому, что волков истребили, и зайцев гонять некому. Когда заяц крепкий и сильный? Когда его волки гоняют. В этом случае заяц всегда бдителен, не дремлет, а если и убегает, то от движения становится крепким и здоровым. Как только волков не стало в лесу, гонять зайцев некому, и они начали расслабляться, перестали бегать, начали жиреть и умирать от ожирения и сердечной недостаточности. Разжирел заяц, гонять его надо, тогда он будет здоров. Вот и нас, христиан, следует гонять почаще, чтобы мы не расслаблялись, а пребывали в бдении и молитве. Тогда мы становимся крепкими и сильными, у нас появляется искренняя молитва. А когда я поел, включил телевизор, – ну, какая тут молитва? То одна развлекательная программа, то другая. И всё, я расслабляюсь. Но когда меня преследуют извне, тогда мне уже не до жиру, не до телевидения, не до развлекательных программ. И в этом случае я начинаю искренне обращаться к Богу в молитве.

Я вспоминаю архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Как-то он мне сказал: знаете, отец наместник (я тогда был ещё наместником в Печорах), так, как я молился в тюрьме, я больше никогда не молился. Вы понимаете? В тюрьме была такая искренняя молитва. Даже в монастыре так глубоко и искренне не

молился, как в тюрьме. Вот и показатель. Мы иногда смущаемся тем, что у нас проблемы, невзгоды, гонения. И смущение было бы понятно, если бы мы ориентировались только на земную жизнь. Но если принять во внимание замысел Божий о нас, людях, то мы поймём, что время на земле – это только приготовление к будущей, вечной, загробной жизни. И тогда всё встанет на свои места. Разве апостолы терпели бы все испытания, которые они претерпели, если бы не верили в Бога и в существование вечной загробной жизни? Апостолы верили в Бога, и эта вера придавала им духовные и физические силы.

Нам, современным христианам, следует понять, зачем мы живём на земле, в чём смысл нашей жизни. Если мы поймём, в чём смысл жизни человека на земле, тогда все проблемы, о которых мы сейчас говорили с вами, уйдут на последний план, а на первом плане будет только Господь Бог и наше искреннее желание и стремление быть вместе с Ним на земле и в загробном мире.

– Православие.ru / church.by